

Год — как подарок

Шоки. правда. — 1995. — 31 сев. — с. 8.

Главные роли в четырех московских театрах — Сатиры, студии «Человек», у Козака и Саркисова — сделали Валерия Гаркалина одним из самых известных молодых актеров последних лет. Теле- и кинозрители запомнили его по фильмам «Белые одежды», «Катала», «Князь Серебряный». «Это универсальный актер, он может сыграть все, что угодно, — от подростка до старика», — говорят о нем коллеги. Свою универсальность Гаркалин еще раз доказал, сыграв Петруччио в спектакле Театра сатиры «Укрощение строптивой» и в фильме Владимира Меньшова «Ширли-мырли», где исполнил сразу три главные роли.

О таких ролях, как Петруччио и Понтий Пилат, должен мечтать каждый актер. Это жизненные вехи в его творческой судьбе. Но еще года три назад вас, Валерий, знали разве что самые завзятые театралы и критики. Расскажите немного о своей счастливой творческой судьбе.

— Поначалу она была далеко не такой счастливой. Начиная в гастрольном ансамбле «Люди и куклы» Кемеровской филармонии. Объездили всю страну, всю Сибирь, играли в лагерях особого режима, где только не играли. И сейчас, когда сажусь в поезд, не отпускает ощущение, что опять еду на гастроли. Потом женился, поступил в ГИТИС на режиссерский факультет, родилась дочка и пришлось уйти из ансамбля. Но выяснилось, что работу в Москве найти не так-то просто. Впал в длительную депрессию, выпивать стал. Неизвестно, чем бы кончилось для меня те черные времена, если бы не Фима Шифрин и Клара Новикова. Они взяли меня в свои эстрадные спек-

такли. И сразу все пошло на лад. В ГИТИСе с Мишей Зонненштралем поставили «Контакт» Мрожека и с ним пришли в Сатиру. Зонненштраль стал работать штатным режиссером, а я — играть в его спектаклях: юношу Джонатана в пьесе французского драматурга Копита «Папа, папа, бедный папа...», Мастера и Понтия Пилата в «Шизофрении», как и было сказано...» по роману Булгакова «Мастер и Маргарита». А у главного режиссера Валентина Плучека — Курслера в «Горячем сердце» Островского. Параллельно репетировал роль Черта в постановке Саркисова по «Братьям Карамазовым», у Романа Козака в «Банане» Мрожека и работал в Театре-студии «Человек», куда меня пригласила режиссер Елена Рожкован, в «Стриптизе» Мрожека. С этим спектаклем мы поехали на фестиваль Мрожека в Краков, где его пьесы играли театры всего мира.

На фестивале я еще раз убедился, что настоящий театр и вообще искусство ничего общего не имеют с тем, что именуются современной советской (или как теперь — российской?) драматургией. Натурализм, чернуха, так называемый сегодняшний неореализм — что угодно, но только не искусство. Пусть на сцене ругаются матом, занимаются противестественной любовью, пьют водку, колются — все равно все это фальшь. В настоящей драматургии все эти атрибуты натурализма не обязательны, хотя и могут иметь место, они не самоцель. Конфликт осмысливается символически, философски. И потому стараюсь не «играть в жмурики». («Игра в жмурики» — пьеса Михаила Волохова, поставленная Андреем Житинкиным, где на протя-

жении всего спектакля персонажи изъясняются исключительно отборным матом. — Ю.Л.) Предпочитаю Островского, Мрожека и Шекспира.

— Я слышал, что над «Укрощением строптивой» Валентин Николаевич Плучек работал полтора года. Было много трудностей?

— Плучек экспериментировал. Он делал спектакль о молодых и в основном для молодых, поэтому пробовал весь молодежный состав труппы. Тем самым он пытался ответить на вопрос, что за новая генерация актеров пришла сегодня в театр, не только в наш, а вообще в театральную среду. Репетиции носили характер лаборатории. Жесткого, как обычно у нас в театре, распределения ролей не было. Из этих полутора лет я репетировал год. Я стал тем актером, на ком Валентин Николаевич в конце концов остановил свой выбор.

Роль Петруччио действительно та, о которой мечтает любой актер. Все для меня было вновь. Меньше всего я думал когда-нибудь, что буду играть роли героического плана. И свои наработанные средства применить не мог. Хотя в моем арсенале — персонажи Булгакова, Островского и Достоевского.

Театр Шекспира — это в первую очередь театр актера. Плучек вывел это во главу угла, а художник Левенталь так раскрыл пространство сцены, что актер уже нигде не мог «спрятаться». Все стало зависеть только от его мастерства. Поэтому иногда я испытывал приступы паники. Но они ничуть не омрачали ту колоссальную радость, которую получал от работы над ролью. В день репетиции «Укрощения» я просыпался с чувством, что жизнь

— это подарок, о чем, по-моему, говорит и Шекспир своей пьесой.

Но работа над ролью не закончена. «Укрощение строптивой» сыграно всего несколько раз, спектакль только встает на ноги. Многое теперь зависит от зрителя — в комедии он как бы дорежиссирует спектакль. Мы учитываем его реакцию в том или ином эпизоде. Это не значит, что идем у него на поводу. (Публика сейчас разная, многие и пьесу-то не знают). Но мы зависим от зрителя в том смысле, что существует некий энергетический обмен с залом.

— Весной на экраны выйдет фильм «Ширли-мырли», где у вас сразу три главные роли. Какие они — героические? Психологические?

— Сейчас работаю над озвучиванием, и пока картина не закончена, распространяться не хочу. Актеры — народ суеверный. Скажу только, что «Ширли-мырли» — комедия полужанров с элементами политического фарса, присущего сегодняшнему дню. Не случайно, думаю, руководство Госкино связывает с картиной большие надежды, считая, что это будет фильм, который вер-

нет зрителя в кинотеатры. В «Ширли-мырли» мне посчастливилось работать чуть ли не со всеми звездами нашего кино: Мордюкова, Куравлев, Полищук, Табаков, Ефремов — и это только в эпизодах. А в главных ролях — Инна Чурикова и Вера Алентова. О своих ролях трех братьев-близнецов пока скажу только, что ничего подобного ни в кино, ни в театре никогда не играл.

— А были в период работы хорошие предложения от других режиссеров?

— Да, и много. Но я с радостью (пусть не обижаетесь на меня эти режиссеры), с радостью отказывался, работая с Плучеком и с Меньшовым. Удачный был год. Как подарок.

Юрий ЛУГОВСКОЙ.